

18+

ВЕТАС РАЗНОСТОРОННИЙ

СЕВА ДАЛЬ ИЗ ФИГАСЯ

НЕ ИЩИТЕ СОВПАДЕНИЙ

Ветас Разносторонний
**Сева Даль из Фигася.
Не ищите совпадений**

«Издательские решения»

Разносторонний В.

Сева Даль из Фигася. Не ищите совпадений /
В. Разносторонний — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833952-3

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В
этой книге вы не найдёте никаких ответов. И вопросов в ней тоже нет. И
вообще ничего нет, в принципе. А вот совет, которого в этой книге тоже нет
— никогда не думайте, что кто-то что-то подумал. Потому что он ничего не
думал, а подумали вы сами. И вообще, все люди ленивые и думать не любят.
Но, не отчаивайтесь, с этим можно жить. Я с этим даже книгу написал. Её
можно дарить хорошим людям, без повода. Пусть они думают, что вы это
специально сделали. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-833952-3

© Разносторонний В.
© Издательские решения

Содержание

Шесть	6
Девять	7
Курица или яйцо	9
Двенадцать	10
Сонные мухи	11
Шмыгля	12
Пони и мания	13
Смотри не сорвись	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сева Даль из Фигася Не ищите совпадений

Ветас Разносторонний

© Ветас Разносторонний, 2018

ISBN 978-5-4483-3952-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шесть

Я бежал по полю и со всей силы бил по красивым, напоминающим кучевые облака, шарам одуванчиков. Они с криком распадались на тысячи парашютистов-семян и улетали, подхваченные ветром, гонящимся за мной. Я ненавидал их. Они были отвратительно симметричны и безукоризненно красивы. Бутоны полевых цветов пытались спрятать свои уродливо кричащие радостными цветами сущности за листья защитных покровов; стебли гнулись, но были настолько упруги, что все потуги бутонов сходили на нет. Они получали ногой по своим противно-идеальным мордам и, взвизгивая соком, отлетали на метры в сторону, окровавленно бились о землю и издыхали.

Я бежал, сокрушая мирное существо семейств разноцветных и полевых, ярких и жизнерадостных, ничего не подозревающих и живых. Я ненавидал их! Тоже. Они, кислотно-противные, должны были мне помочь. Но ничего не делали. И за это должны были умирать. И умирали, втаптываясь в серую глину самости и тлена, хаоса. Маленькая берёзка, стоявшая в одиночестве посреди поля, ласково играла с солнечными брызгами лучей. Хрусть! Я её тоже ненавидал! Больше не потянет она своих ветвей-щупалец к старому огненному шару, ослепительно-огненной причине энтропии. Хрусть в обратную сторону, и в моих руках появилось оружие от природы. Меч флоры и истребитель фауны. Теперь мне было намного легче нанести точечные удары необузданного гнева. Словно напалмом, поливающая лейка обезумела от атмосферного давления и брызжет смертью пуще радиоактивного ливня.

Так я наносил удары берёзкой-катаной по живому покрову поляны. Так я бежал и молча крушил мироздание. Своё. Чужое. Общее. Ничьё. Пустое. Без оглядки. Сзади ничто, впереди обман. Лишь ящерица, греющаяся на холмике муравейника, удивлённо посмотрела на пробегающий эктоплазматический тайфун, но не успела сообразить. Дура! Катана разрубила её брентное тело на две неравные части. Передняя в умиленной агонии побежала вперёд, а задняя отбросила хвост. Муравейник содрогнулся и был раздавлен одной левой. Я остановился, тяжело дыша, поднял хвост ящерицы, горсть земли с яйцами муравьёв и положил всё в карман. Они-то уж точно меня не подведут. А вот и ручей! Ручей, протекающий по окраине опушки, весёлым перезвоном бежал со стороны холмов в сторону недостижимого горизонта, горизонта горя. Гори горе, зонт не спасёт тебя от огненных шаров смерти, горизонт смерти, горизонт событий. Подбежав к ручью, я начал отчаянно бить его ногами, и, чтобы ему было больнее, зашёл на середину, и стал прыгать и бить его берёзкой-катаной. Словно самурай в смертельной схватке, осознавая своё близкое поражение, но не признавая его, из последних сил рушит ударами врага, который вмиг оказывается за его спиной и молча наблюдает за акробатическими финтами клоуна-шапитошника.

На другом берегу я увидел лягушку. Я знал, что это она! Царевна. Я нашёл её. Отбросив назад катану, я медленно подошёл и взял её двумя руками. Она смотрела на меня и мысленно стала рассказывать о себе. Но я-то всё знал наперёд! Медленно, чтобы не испугать царевну, я поднёс её к своим губам. И прошептал ей: «Я пришёл!». А потом откусил ей голову. Кровь брызнула мне в лицо и залила глаза. Я упал на землю и дико заорал! Мой крик был слышен на той стороне Вселенной, он разрывал меня на части. На шесть ровных частей. Я ненавидал всех! Я старел. Сегодня мне исполнилось шесть лет.

Девять

Сегодня, в день, когда ему исполнилось девять, у меня из головы не выходила одна мысль. Она как никогда ясно обрисовывала его развитие, его предназначение и подводила черту под уже прожитыми им днями; дальше он будет развиваться, будет себя совершенствовать. Я надеюсь на это, но ничего прогнозировать не буду...

Красный свет светофора помог собраться с мыслями. Когда ему исполнилось девять лет, он понял, что мир вокруг него – это его мир. Что он сделал его таким своими помыслами. Что некого винить и незачем! И что его главная задача – не рассыпаться в прах, не расплыться по пустякам, а нести миру себя, свою энергию, свою самость. Нести добро. По прошествии прожитого времени он оглянулся назад и увидел, чего достиг. В его возрасте это большая редкость. Я могу лишь предположить, что же он увидел в ретроспективе прошедшего...

Когда ему был ноль, он был. Его сознание было сознанием Вселенной. Кто мог сказать, что он – это ничто? Кто мог сказать, что знает его? Кто был уверен, что его не знает? Он был всем, и одновременно им были все, все без исключения до своей инициации были им. И он в его собственный ноль, в ноль Вселенной, тоже был всеми. Но потом произошло нечто. Это происходит всегда, со всеми, главное – понять.

Создание или инициация – это время длилось ровно одну секунду, но на его планете прошло ровно 365 дней. Потому что его инициировали человеком. Вы можете поспорить и сказать, что в тот год было 366 дней. Это не так. Взгляните на календарь, вы не найдете тот год, а в тот год было именно 365 дней. Ровно секунда, ровно 365 дней. Ему был всего один. Но секунды бежали неумолимо.

Когда наступила вторая секунда, началась борьба противоположностей. По очереди: вторая секунда шла за первой, но не везде и не всегда. Иногда случалось наоборот. Это называлось обратным отсчётом. В этом скрыт очень важный аспект двойственности. Момент, когда можно сказать, что вторая идёт за первой, но, поворачивая взор вспять, мы понимаем, что первая идёт за второй. Иногда и поворачиваться не нужно, чтобы понять это. Противоположности пытаются найти компромисс, вспомните магнитные полюса. Они противоположны, но они притягиваются. Точно так притягивались противоположности к нему и в нём. Наполняя его до краев, но сохраняя идеальный Вселенский баланс. И пусть сегодня учёные заявляют нам, что более 90% Вселенной – это тёмная материя. Не верьте этому. Она не тёмная – она просто уравновешенная до абсолютного значения. Тогда ему было два.

Третья секунда и очередные 365 суток на планете были ознаменованы ничем! Не нужно было ничего ознаменовывать, всё свершилось само собой. Противоположности второй секунды остановились в идеальном абсолюте гармонии. Гармония – это когда понимаешь, что волны бытия омывают тебя ласково, с заботой, с теплом, но ты их не замечаешь. Потому что когда хорошо, никто не задумывается об этом. В итоге ничего. Никаких крайностей, всё ровно, умиротворённо, уравновешенно, но не стоит на месте. Такие секунды редкость. 3, 333, 333333333 – самые лучшие секунды, наверняка. Ему было всего три.

Четвёртая секунда столкнула четыре стихии. Землю, воздух, воду и огонь. Он выпал из цикла и просто наблюдал, это было не его время, не его секунда. В ожидании перемен провёл он её. Ему было четыре. Он начинал осознавать своё предназначение, но мог ещё ошибаться.

Когда наступило пять, случились перемены. Он стал частью пяти. Пятым элементом. Недостающим звеном в цепочке, замыкающим звеном пирамиды золотого сечения. Он был в основании и был везде. Основание было в нём. Стремление к самосовершенствованию, обучению, познанию развивалось с устрашающей скоростью. Свет не поспевал за ним, тьма окутала его помыслы. Познавая мир, он терял равновесие. В конце пятой секунды случилось то, о чём он знал. Мечтал ли он об этом? Ему было всего пять, и он был обычным человеком.

Шесть, символизирующая падшее семя, символизирующая потерю контроля над собой, символизирующая нарушение равновесия. Тьма, холод, сырость, болезнь, грязь, смрад, яд, зло. Шестая секунда поглотила его, заблокировала все защитные процессы. На пороге стоял сатана в красных труселях и манил его, манил. Сладостные обещания, испещрённые червоточинами лжи, фальши, лести, сладострастия, зависти и... замутнённый рассудок, а потом падение... Долгое, стремительное, безнадёжное. 365 дней падения, ровно одна секунда. Свет в конце туннеля отсутствовал, ибо конца не было. Лишь искра надежды и веры, бегущая следом за падающим человеком; проблеск искры, отгоняемый мириадами чертей и ведьм. Но всё-таки проблеск, всё-таки искра. Ему было шесть. Он видел свет искры. Он задумался.

Далеко позади него, когда падение было невозможно повернуть вспять, небеса разверзлись, и он увидел Атлантов, держащих на своих каменных плечах небеса. Наступила седьмая секунда, седьмые 365 дней спустились на Землю, чтобы заявить о настоящей власти, настоящей силе, настоящей любви и абсолюте добра. Даже самые порочные грешники получили надежду на спасение. Он ухватился за свет, льющийся с небес. Это было почти невозможно, но в нём разгорелась искра. Ветер стремительного падения с каждым мгновением раздувал спасительную искру, и огонь возгорелся. Огонь понимания, огонь спасения. Ему было семь, и он встретил Бога. И он поверил.

Следующая секунда стала для него бесконечностью, бесконечностью покоя, умиротворения и одухотворённости. Он научился разбираться в добре и зле. Обрёл потенциал бесконечной жизни, познал цикличность Вселенной, когда душа спускается с небес, делает полный оборот жизни и заканчивает её внизу, на Земле, уходя снова на небеса. А на небесах она делает полный оборот и снова уходит вниз. И так было всегда, и так есть, и так будет. Он выбрал свой путь, путь, в котором всё его будущее зависит от веры. Ему было восемь. Вера была с ним.

Когда ему исполнилось девять, он понял. Семя не должно падать, оно должно стремиться вверх, к свету, к добру. Девять – символ Жизни и Добра. Его главная задача – не рассыпаться в пыль и не распыляться по пустыкам, а нести миру себя, свою энергию, свою самость. Нести добро. Он стал человеком. Наступила его девятая секунда. С этих пор началась его жизнь.

Светофор загорелся зелёным, и поток машин тронулся по шоссе. В бесконечности потока растворялись люди, мысли, желания и сама жизнь. Не многим дано понять ребус своего существования. Понять его смысл, когда тебе всего лишь 9, – чудо. Сева понял. Я надеюсь на это, но ничего прогнозировать не буду, ведь у него столько ещё впереди.

Курица или яйцо

Когда по Фигасю пронёсся слух о падении метеорита, Сева Даль понял, что неспроста это.
– Они за мной вернулись! – сказал Сева отцу и матери, которые сидели у голографического проектора и смотрели онлайн-передачу о марсианском садоводстве...

– Кто вернулся? – в два голоса спросили родители.

– Они... – загадочно ответил сын и кивнул головой в сторону окна.

– Деревья?! – спросил удивлённо отец.

– Нет, мои настоящие родители! – шёпотом произнёс Сева.

– ?!?!??? – родители вопросительно посмотрели на сына.

– Ты что, траву тёти Гаш курил, что ли? – глядя то на сына, то на мужа, спросила мать Севы.

– А я чо?! – удивлённо и невинно произнёс отец Севы.

– Нет, я не курил траву тёти Гаш, её курил папа с папой Пикассина, а я пришёл попрощаться с Вами. Прощайте, мои милые земные родители! Мама и папа, мне будет вас не хватать!

– Милая, зачем мы покрасили чердак? – спросил у жены отец Севы. – У нашего сына появились настоящие родители!

– Надо вызвать доктора, мне кажется у Севы жар, – мать встала с левитирующего кресла-качалки и на левитирующих тапках подплыла к сыну.

– Чердак здесь ни при чем. Вы, наверно, слышали, что прилетел метеорит? – уклоняясь от руки матери, пытающейся потрогать лоб сына, спросил Сева.

– Да, сынок. Слышали. Прилетел кусок вонючего дерьма, вокруг которого сейчас мечутся администрация города и области, спасатели, службы безопасности и туристы с голографическими аппаратами. Но никто не знает, что делать с вонью! И соседний город, в сторону которого сейчас дует сезонный ветер нашей планеты, уже ахерел от вони и скупает новые фемтокондиционеры. Скорее всего, нам придётся немного пересмотреть семейный бюджет и ограничить твоё финансирование, потому что скоро ветер подует в нашу сторону.

– Папа, это Вербер написал рассказ такой. А к нам прилетели мои родители, и я улетаю, прощайте, – Сева повернулся и стал мерцать. В телепортаторе был отрицательный баланс, а услуга «Доверенный телепорт» работала всегда на плохих шлюзах.

– Если, сынок, ты сказал правду, моя сущность выйдет из-под контроля и осуществит какое-либо деструктивное нерегламентированное действие с базами данных, последствиями коего может быть искривление пространственно-временного континуума и возвращение Вселенной в состояние сверхновой коллапсирующей в минуспространство. Передай это твоим настоящим родителям и скажи им, что через год мы сможем тебя забрать, только платно. Многоплатно! Понимаешь?

– Да, папа. Значит, это всего лишь метеорит?! – мерцание прекратилось, и Сева повернулся в сторону отца и ничего не понимающей матери.

– Теперь, сыночка, по выходным только оффлайн! И на свежий воздух! Скафандр с баллонами мы уже купили.

Двенадцать

*Стихами выливая псевдоформу на поверхность,
Он ленту вечности объёмом вышивает,
Преградами опутан, словно паутиной капилляров,
Неточные судьбы удары отражает, поражая.
Его в порывах гнева озаренье покидает,
На то она и жизнь, искореняя нетерпимость,
Плетётся нитью пагубно-смирненной,
Рыдает, тает, падает плашмя, сознание закрывая.
Безукоризненный узор воспоминаний ровный
Нарушен приступом банальной энтропии,
Вплетает ритмию в ровное дыхание Вселенной.
Двенадцать циклов пройдено, отныне всё по кругу.
Цветок рододендрона расцветёт под лунным светом,
Лазурно-мрачно-тускло-алого окраса пышный,
Движеньем мысли покрывало вечности чуть вздрогнет
Следами старых масляных подтёков чертыхнётся.
Слой пыли сбит одним лишь взглядом, слышно
Стоит безмолвьем окружённый, словно слово,
Роняет буквы, знаки, цифры, смысл изменяя,
Он Сева Даль – пацан всего-то, и ему двенадцать.*

Сонные мухи

– Мы не можем забрать его с собой, Гллокк. Он огромен!

– Следуйте директивам, а не здравому смыслу, Гррытт. Не на каждой планете встречаются такие интересные формы еды, грузите его на подъемник, – капитан был чрезвычайно рад находке, потому что последние 12 999 999 световых лет они не встречали столько биомассы ни на одной планете.

– Но как вы себе это представляете, он больше подъемника в тысячу раз! – Гррытт, старший помощник капитана Гллока, был прагматиком четвёртой степени, но иногда его доводы выводили из состояния спокойствия даже самую сущность спокойствия.

– В тысячу триста сорок два раза, если быть точным, – подметил бортовой анализатор, которого ласково называли Жжузз.

– А почём вы знаете, что его нельзя поднять, Гррытт? Может быть, вы уже пробовали погрузить такую биомассу или вы умнее энциклопедии Жжузза? Пропустите транспортировочные канаты в корпусные отверстия биомассы, сформируйте импульс Муарра и сверните восьмое измерение, и всё! Это задача для тридцать восьмой ступени! Эх вы, старпом!

– Но-о-о...

– Никаких но, наших технологий достаточно для того, чтобы увезти этот груз с этой планеты. Грузите. Нам его хватит, чтобы десять раз слетать на диск в Прулдонскую галактику и обратно. Грузи-и-ите-е-е, Гррытт!

– Для погрузки потребуются включить мотор Блоррка, а я не уверен, что он поведёт себя в атмосфере этой планеты, как требует того...

– Вы что говорите?! При посадке на планету Жжузз рассчитал все необходимые параметры. В том числе был рассчитан коэффициент Шмупля. Вам недостаточно этих данных, чтобы быть уверенным в результатах?! Гррытт, не требите мне жмозг!

– Тревога! Активность 63!

«Шлёп», – в квадратной тишине комнаты прозвучал смачный хлопок, звон бьющихся стёкол, скрежет металла, взрыв топливных отсеков.

– Мухи? Зимой? – Сева посмотрел на ладонь, в которой лежали, подёргиваясь, две полудохлые мухи. Поднеся их к уху, он услышал жужжание. Хотя нет, жужжание было безумно похоже на мультяшную речь.

– Активируйте спазматическую абстракцию, Гррытт!

– Гллокк, я умираю. Я был рад, что провёл эти долгие секунды с таким отважным капитаном, прощайте...

– Не-е-е-е-ет! – раздался пронзительный крик Жжузза.

– Жжузз, без паники! Активируйте Дихфолоску, это приказ!

«Вот ведь фигня причудится!» – Сева тряхнул головой, подошёл к окну, открыл форточку и швырнул туда полудохлых мух. Отвернувшись от окна, он услышал хлопок взрывающейся петарды. За окном. А потом ещё один, и ещё. Он потянулся и подумал: «Как классно, что Жжузз немного протупил и запустил режим «Уничтожение +9»».

Шмыгля

– Бежим. Он проснулся! – закричал подросток и помчался в сторону от открывшего глаза человека. Вслед за ним врассыпную от лежавшего на траве кинулись остальные.

– Стоять – бояться! – человек попытался поймать убегающих, но споткнулся и грохнулся на землю. – Ай-й-й, бля-я-я! – посмотрев на свои ботинки, он понял, почему не смог побежать, споткнулся и больно упал. Шнурки ботинок были связаны друг с другом намертво. Карманы брюк были вывернуты наизнанку и всё пропало... – Стойте! Верните шмыгля! – крикнул мужчина вслед хулиганам, но их уже и след простыл. – Всё пропало, я утерять шмыгля, теперь мне нет пути назад, – сказал он шёпотом, поднатужился, покраснел, побагровел и лопнул.

Останки странного человека, потерявшего шмыгля, повисли на ветвях яблони, под которой он нечаянно уснул. В шмыгле было всё, а теперь ничего нет. Тот, к кому она попала в руки, может в течение всей жизни и не осознать величия, силы и предназначения шмыгли.

Но волей судьбы обладателем шмыгли стал Сева Хасинтович Даль из Фигася. Бравый, бойкий и одновременно болезненный, дистрофичного вида подросток. Он исправно сморкался в шмыгля, вытирал об неё руки, подкладывал под разные предметы, кидал в других, иногда полоскал в лужах и ручейках, несколько раз терял, а затем находил, заворачивал в неё объекты, и всё чаще стал замечать, что она не старится и не изнашивается.

– Странно, – говорил он своему другу Пикассину, – я в неё замотал ядро и кинул с горы, и ни единой дырочки, как новая.

– Да ладно тебе заливать, – не верил ему Пикассин, хватал шмыгля и пытался порвать её. Но его потуги всегда завершались безуспешно. А шмыгля смотрела на них и ждала, когда же её начнут использовать по назначению.

Однажды, теплым зимним вечером, Сева вернулся домой очень взволнованным.

– Что случилось, сынка? – ласково спросила мама.

– Мама, я могу изменить мир!

– Э-э-э... Опять?! – мать была очень огорчена, что посещения психиатра не помогают.

– Ма-а-ам! Ты мне не веришь? Вот, смотри, – и Сева вытащил из кармана шмыгля и положил её на стол.

– Шмы-ы-ыгля?! – взволнованно вскрикнула мать Севы. – Этого не может быть! Она утеряна 27 тысяч лет назад вместе с хранителем Шмы. Но...

– Я! Могу! Изменить! Мир! – закричал Сева, схватил шмыгля и выбежал на улицу.

По чёрной лужайке ползали огромные красные ядовитые черви и поедали органику. На сером небосводе сквозь чёрные кучевые облака тускло светили два красных блина. От сероводорода резало глаза, над городом нависла зловещая тишина, нарушаемая лишь чавканьем червей, пожирающих органику. Сева подбежал к забору, отвязал своего комара, влез в седло и взлетел. Из-за угла его дома на лужайку вытекло аморфное нечто, стадо маленьких слонов на ногах-ходулях бросилось прочь.

– Сева, только не натвори бед и возвращайся в обед! – вслед сыну крикнула мама и помахала платкомпасом.

Пони и мания

Сева сидел в кресле-качалке на террасе своего дома в Фигасе и кемарил. Съеденный завтрак был безумно вкусен. Сегодня ему подарили черепашку, и он ещё не определился с её именем. Дрёма ласкала сознание Севы, и понимание пришло постепенно...

В банальном сне о пони и мании, в котором им приснился сон про сновидения во сне Севы Даля из Фигася, в котором он не отождествлял себя с ними, её с ней, и его с самим собой, но был понятием крайне понятным и понятным черепахой.

Он спал, и погружение его в другие реальности было настолько стремительным и глубоким, и одновременно поверхностным, и непробудным, что даже эфемерная сомнамбула Морфея Петровича Кисляка не смела его трогать, она просто запуталась в сложно выстроенном лабиринте зеркальных поверхностей, отраженных в своих преломленных отражениях и меркантильных петлях Мёбиуса, и жалобно заскулила.

А споткнувшись о преграду непонимания, рассыпалась искрами по небосводу человеческих сновидений. Но пони и мания понимали, что сон Севы во сне явно не наяву, и, если долго стоять, то всё-таки придётся прийти. И они пришли, пусть даже чуть позже, чем он ожидал, пусть даже в облики пони и мании, а не желанного бутерброда и тарелки черепашьего супа.

«Э-э-э! – подумал Сева, взобравшись на самую высокую гору в странном мире плоских невысоких гор. – Я научился понимать? Я понимаю. Я всё понял! Всёпривсё!»

Но в ответ услышал он лишь охэ-наоборот тишины безжизненного плоскогорья далёкого необитаемого мира, в котором он неожиданно оказался из-за превышения интервала ожидания дрёмного события...

«Я понял!» – громко подумал он в след ухэ-наоборот.

– И хуле? – отозвалось охэ-наоборот также по-доброму.

– Неожиданно! Но я-то тебя понимаю! А ты меня? – Сева стоял посреди ярко-голубой поляны, и кроваво-красный намут-наоборот ватными хлопьями пытался завалить его, прижав снизу к небу, а сверху к ухэ-наоборот, пытаясь таким образом привлечь его внимание к своей непорочно багровой седине. Черепаха зевнула и спрятала свою вселенную в прочном панцире мыслей.

Намут-наоборот выбросил рукава Персея и Центавра, и ватные хлопья выстроились в боевой порядок для реструктуризации ДНК Севы Даля. Пытаясь изменить восприятие, мысли, сущность, таким образом, чтобы не было рядом назойливого Чака Норриса, который в который раз пытался прорваться в реальность нереальным ударом с ноги вертушкой и похитить черепаху Севы, у которой было имя.

«Нет, – подумал намут-наоборот, – рано еще тебе», – и стал выпадать каплями на стекло купола изнутри.

– Понятно, – Сева настороженно подумал, как сквозь купол проступают пятна удара с ноги вертушкой, и посмотрел на черепаху иначе.

Оказавшись наизнанку, Сева опомнился. Вовремя. Ибо время наизнанку было не очень красивым, но точно такой же была и красота – временной, а это его не удовлетворяло. Пони стоял рядом с плоскостью, время вычерчивало на ней круги, а изнанка противилась, пытаясь вернуться обратно в себя, в панцирь черепашьеи мысли. Постепенно пони превращался в зебру, очерченную маниакально-концентрическими окружностями времени во всех множествах плоскостей изнанки. А черепаха незатейливо кивала тремя головами и ласково улыбалась Севе.

«Ты так ничего и не понял», – подумала первая голова черепахи.

«Ты так ничего и не увидел», – подумала вторая голова черепахи.

«Ты так ничего и не сделал... Но я всё равно попробую», – подумала третья голова черепахи.

И три мысли кристаллизовались на стекле купола изнутри, на который смотрел Сева снаружи. Смотрел внимательно, а пони и мания стояли рядом и кричали ему в оба уха странное имя – Матильда Мексикановна!

– Матильда Мексикановна! – закричал Сева, вздрогнул и сел в кресле ровно, но оно продолжило свои синусоидальные колебания. Его тело была мелкая дрожь, и он с удивлением посмотрел на Матильду Мексикановну. Ты?

Смотри не сорвись

Фаза изменённого состояния сознания (ИСС) в этот раз проходила на удивление удивительно. Звук переливался всеми цветами радуги, вырисовывая на зрительном нерве разноцветные импульсы, длительностью от 0,05 мкс до 0,1 секунды. Словно осциллограммы сложной формы, бежали лучи света, вырвавшись из очей. Из заключения мысли.

Человек возвращался в нормальное состояние сознания. Секундой позже, отчётливо представляя, что для Вселенной значит полученная сегодня информация, Сева загадочно улыбался. Подошёл к окну и влез на подоконник. Семьсот сорок третий этаж, утерянный в сотнях миллионов одинаково-зеркально-серых отражений.

- Это правда? – спросил Сева вслух.
- Абсолютно.
- И вы теперь мне предлагаете просто так с этим жить?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.